

УДК 82-32

DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-104-113

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ С. СИЛИНА

Ю. О. Чернявская, Э. С. Мамедова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Малая проза С. Силина еще недостаточно изучена литературоведами, однако его произведения вызывают интерес среди читателей разных возрастов и могут быть отнесены к двухадресной литературе, т. е. литературе, адресованной как детям, так и взрослым. Анализ произведений писателя, использующего приемы садистских стишков, страшной истории и анекдота, способствует более глубокому осмыслению основных тенденций развития современной российской прозы для детей.

Цель – выявить жанровое своеобразие малой прозы С. Силина в соотношении с фольклорной традицией.

Материал и методы. Теоретической базой исследования послужили труды фольклористов Е. М. Мелетинского, Е. Курганова, О. Н. Гречиной, М. В. Осориной и др. Материал исследования – рассказы С. Силина.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ позволил выявить характерные особенности малой прозы С. Силина. Писатель использует приемы нескольких фольклорных жанров: легкое отношение персонажей к смерти, гротеск, парадокс, юмористическая концовка, мнимое благополучие финала. Дети и взрослые представлены носителями гипертрофированно усиленных отрицательных качеств. Малая проза писателя адресована как взрослым, так и юным читателям.

Заключение. В своем творчестве С. Силин трансформирует жанры городского фольклора: страшных историй, садистских стишков, анекдотов, чтобы заострить проблемы «отцов» и «детей», дать возможность взрослым и детям увидеть друг друга со стороны. К характерным особенностям малой прозы писателя относятся: легкое отношение к смерти, отсутствие катарсиса, абсурдный финал, наделение персонажей гипертрофированными качествами (жестокость, недисциплинированность, непослушание и т. д.). Рассказы чаще всего имеют кольцевую композицию, свидетельствующую о том, что основной конфликт произведения остался неразрешенным. Важную роль играют заглавия: в них содержится основная проблема рассказа. Использование фольклорных жанров позволяет автору донести до своих читателей в привычной с детства игровой форме важные педагогические идеи, а также выявить социальные, общественные и семейные проблемы.

Ключевые слова: Сергей Силин, детская литература, трансформация фольклорных жанров, страшная история, садистский стишок, анекдот.

Введение

Малая проза Сергея Васильевича Силина (род. в 1955 г.) еще не становилась объектом пристального внимания отечественных литературоведов. В обнаруженной нами обзорной статье, посвященной жанру прозаической миниатюры, анализируются интересующие нас произведения пермского писателя [1]. О том, что рассказы С. Силина достаточно популярны не только в России, но и за рубежом, свидетельствует несколько веб-страниц, посвященных его творчеству, а большое количество, в основном, восторженных комментариев демонстрирует острый интерес к его текстам со стороны читателей разных возрастов. На наш взгляд, это обусловлено обращением автора к жанрам городского фольклора. По словам Е. А. Полевой, на рубеже XX–XXI вв. «прозаическая миниатюра для детей... переживает пору расцвета», причиной которого исследовательница считает в том числе и использование современными авторами, пишущими для детей, фольклорных «жанровых матриц» [1, с. 135].

Предпринятое исследование, на наш взгляд, расширит представление о процессах, происходящих в современной литературе, адресованной как

взрослым, так и детям. Вечная, во все времена актуальная тема взаимоотношения отцов и детей подается в рассказах С. Силина в игровом, развлекательном виде, что привлекает разновозрастных читателей.

Цель работы – выявить специфику малой прозы С. Силина посредством анализа функционирования и трансформации в поэтике его произведений приемов, характерных для жанров городского фольклора.

Материал и методы

В теоретико-методологическую основу работы легли труды отечественных фольклористов и литературоведов. В формировании научной концепции определяющими стали работы М. Е. Мелетинского, а также исследователей, занимавшихся изучением малых жанров современного городского фольклора – страшилки (О. Н. Гречина, М. В. Осорина, М. Н. Мельников, С. М. Лойтер, М. П. Чередникова), анекдота (Е. Курганов), садистских стишков (А. Ф. Белоусов). Материалом послужили рассказы С. Силина «Урок самбо», «Не топите пятиклашек!», «Роковая пятерочка», «Роковая четверочка», «Двоечник и Смерть».

Результаты и обсуждение

В своем творчестве С. Силин опирается на жанры современного городского фольклора. В первую очередь, это касается страшной истории или страшилки, пугающей и, одновременно, помогающей ребенку преодолеть свои страхи. Согласно О. Н. Гречиной и М. В. Осориной, страшилки активизируют подспудные, часто неосознаваемые страхи и проблемы, связанные с формированием личности ребенка, выходящего в большой мир; вызывают катарсис, необходимый для преодоления разрыва между непознаваемой жизнью и детским опытом [2, с. 97].

С точки зрения М. Н. Мельникова, человеку необходимы трагические переживания: «...выживаемость в стрессовых ситуациях обеспечивалась предшествующей тренировкой психики, эмоциональными перегрузками» [3, с. 76–77]. По мнению ученого, соответствующие фольклорные жанры выполняли важную адаптивную функцию, способствующую преодолению страха. Исследователь реабилитирует жанр, нередко вызывающий негативную реакцию со стороны родителей, поскольку «страх в период опытно-чувственного познания окружающего мира первобытным человеком был спасительной реакцией, обеспечивающей жизнеспособность человечества» [3, с. 77]. Именно на «преодоление страха» и направлены произведения С. Силина, в смешном, комическом виде представляющие проблемы, возникающие между представителями разных поколений. Дети, лишенные правовой поддержки в социуме, беззащитные в мире взрослых получают удовольствие, разрядку от чтения произведений, в которых учителя и родители представлены в гротескно-страшном виде и терпят поражение от героя-ребенка.

Подробно психологические и социальные функции страшилки анализируются в работе С. М. Лойтер. С ее точки зрения, архетипические детские страхи актуализируются в создаваемой и воспроизводимой в страшных историях мифологической модели. Страшные истории – это «рассказы о смерти», грозящей ребенку в случае нарушения запрета [4, с. 86–88]. Об этом пишет и М. П. Чередникова: «...смерть в „страшных рассказах“ представляется как некое физическое живое существо, а причина ее появления объясняется как наказание за непослушание, за нарушение запретов, принятых в обществе. В соответствии с этим в детских „страшных рассказах“ рождается идея преодоления... смерти» [5, с. 7].

Некоторые исследователи относят к страшным историям и пародийные страшилки, вызывающие смех. Этой точки зрения придерживается, например, Г. И. Мамонтова, выделяя отдельную подгруппу «страшилок-наоборот» [6, с. 55], их подробную классификацию предлагает Т. А. Мирвода

[7, с. 15]. Однако С. М. Лойтер считает, что тексты такого рода принципиально отличаются от классических страшных историй: «...антистрашилка обращает страх в смех, страх заменяется смехом. И функция у антистрашилки иная – не напугать, а рассмешить <...>. Неожиданным и противоположным оказывается финал, вызывающий смех. И смех этот, основанный на эффекте неожиданности, восходит не к пародии, а анекдоту» [4, с. 99].

С. Силин заимствует из страшной истории катастрофическую ситуацию – завуч душит учеников, учитель топит пятки клешек, отец приказывает расстрелять собственного ребенка. Однако его страшные рассказы не вызывают катарсиса, о котором писали О. Н. Гречина и М. В. Осорина. Кроме того, С. Силин не стремится напугать своих читателей. Нагромождение трагических происшествий и драматических ситуаций своей гротескной несообразностью приближается к анекдоту, «страшилке-наоборот» и другим фольклорным жанрам, главная цель которых – насмешить, позабавить слушателя нелепицей. К жанру страшилки отправляет подзаголовков серии рассказов писателя «Школьные ужастики» [8]. Подразумевается, что речь пойдет не о тотальном ужасе, затрагивающем основы бытия ребенка. Суффикс «-ик» обладает значением уменьшения, добавляет пародийную семантику слову: ужастик, в отличие от ужаса, способен лишь слегка напугать. Прилагательное «школьный» и вовсе относит к узкой сфере определенных проблем, связанных с дисциплиной и успеваемостью, что не соответствует жанру страшной истории.

По своей структуре страшилка не отличается сложностью; по мнению О. Н. Гречиной и М. В. Осориной, ее сюжетная схема «проста и даже бедна, ей недоступна сложная комбинация мотивов, многоплановость действия. Чаще всего так называемые „страшилки с запретом“ укладываются в простую формулу „запрет – нарушение – наказание“» [2, с. 101]. Та же простота свойственна и системе персонажей: характеры не описываются подробно, «поступки обычно не мотивируются, так как проистекают из самой сущности персонажа. Эти герои являются скорее схематическими олицетворениями сил добра и зла, борющихся в страшилке» [2, с. 102].

В произведениях С. Силина ребенок всегда уязвим, он наказывается за мнимые или реальные ошибки, но и преступление, и наказание обретают гипертрофированные черты. Взрослые в этом мире обладают неограниченными полномочиями, непререкаемым авторитетом и силой. Однако в результате столкновения выигрывает ребенок. Дети находят возможность преодолеть угрозу и победить в неравном бою.

В рассказах мотивировки поведения героев зачастую отсутствуют или ослаблены и определяют

ся статусом персонажа, доведенным до гротеска – завуч душит двоечников потому, что это самый эффективный способ борьбы с неуспеваемостью («Урок самбо» [8]), Герасимов топит пятиклашек, так как ему «за это премия обещана», а директор отдает приказ утопить школьников потому, что другие методы борьбы не помогают (?) («Не топите пятиклашек!» [9]). Персонажи-дети также целиком соответствуют своему официальному статусу и исчерпываются им. Более того, перед нами даже не ученики, а функциональные единицы, чья характеристика изначально укладывается в оценочную систему баллов – «двоечники», «троечники», «пятерочки».

Классическая страшилка требует выстраивания сюжета на основе градации и разворачивается в пределах одной семьи (классификация сюжетов страшилки см.: [2, с. 100–103]). В рассказах С. Силина семья заменена или дополнена школьным коллективом, действие разворачивается чаще всего в школе, классе, иногда – в доме. Главными героями становятся ученики и учителя, реже – родители.

Учителя и строгие родители высмеиваются. Даже смерть, которая аллегорично соотносена с образом карающего, недружественно настроенного взрослого, не изображается Силиным как нечто, вызывающее ужас, она превращена в комический персонаж, десакрализуется (в откровенно комической роли Смерть выступает в рассказе С. Силина «Двоечник и Смерть» [8]), и это сближает рассказы автора не только с антистрашилкой, но и с садистскими стишками и анекдотами. Об этом пишет Е. А. Полева: «...можно говорить о композиционном сочетании у Силина жанровых форм страшилки и садистской истории. Писатель „ожутчает“ происходящее, показывая, что страшное разворачивается в *своем* пространстве (дома), а субъектом отнятия свободы, жизни у ребенка становится *близкий*, и это абсурдно» [1, с. 148].

Если в страшилке случается страшное событие, то оно усиливается при помощи градации (Черные шторы преследуют по очереди членов семьи, или последовательно приближаются по городу, улице, дому и квартире; пространство сужается, преследователь подбирается к жертве-ребенку, что создает напряжение и динамику происходящего), то в рассказах С. Силина, как и в садистских стишках, ужасное событие не подготавливается, не позволяет погрузиться в ужас, пережить его, а констатируется как факт; более того, происходит нанизывание, кумуляция страшных событий. Возьмем классический пример садистских стишков: «Мальчик в канаве нашел пулемет – Больше в деревне никто не живет» [10, с. 261]. Сергей Силин усложняет фольклорный сюжет, и в произведениях «Урок самбо», «Не топите пятиклашек!» происходит их нагромо-

ждение, и избыточность количества катастроф приводит к прямо противоположному эффекту – они перестают восприниматься как страшное, обретая свойства комического.

По замечанию Ф. С. Капицы и Т. М. Колядич, «садистские стишки появились как своеобразное защитное средство, помогающее детям преодолеть чувство страха, как бы предохраняя их, предупреждая о возможной опасности»; «страшные события» в них подаются «в карикатурном и одновременно гиперболизированном виде» [10, с. 258–259].

С точки зрения А. Ф. Белоусова, радикальное отличие садистских стишков от прочих жанров городского фольклора заключается в их откровенно юмористической природе: «Исключительный успех, который выпал на долю „садистских стишков“ в детской среде, тем и объясняется, что они самым непосредственным образом связываются с обрушивающимся на детей потоком поучений и предостережений... Вокруг этих тем и концентрируются „садистские стишки“» [11]. Они, по мнению исследователя, возникли как реакция на дидактико-назидательные штампы советской эпохи, предписывающие строго определенные «правильные» реакции. То есть задача садистских стишков – не внушение страха, а осмеяние его носителя, дающее ощущение моральной победы над ужасным. Поэтому в рассказах С. Силина осмеиваются представители школьной администрации, учителя, т. е. те, кто в первую очередь является для детей воплощением подавления личности и воли.

Согласно точке зрения Ю. В. Чернявской, «главный конфликт „садошек“ – не политический, не идеологический, а поколенческий: конфликт детей (маленьких, беззащитных...) с силой взрослых – мощной и садистской» [12, с. 152–153]. По мнению А. Ф. Белоусова, садистские стишки отражают свойства карнавального мироощущения (М. М. Бахтин) и ренессансного гротеска, который «освобождает мир от всего страшного и пугающего, делает его предельно нестрашным и потому предельно веселым и светлым» [11]. Дискредитация и десакрализация официальной пропаганды, навязывающей обществу социальные и идеологические фобии, – в этом видит исследователь основную цель подобных текстов.

Сходную функцию выполняют и произведения С. Силина. В них высмеиваются представители школьной администрации, педагоги, строгие родители, предъявляющие детям завышенные требования: в «Уроке самбо» высмеивается наводящая ужас завуч, в страшилке-двойчатке «Роковая четверочка» и «Роковая пятерочка» – отцы, готовые расстрелять собственных детей из-за полученной ими оценки. Об этом пишет Е. А. Полева: «...оба ребенка не соответствуют ожиданиям / требованиям своих родителей, причем не системно, а разово!

И обоих за несущественную провинность родители приговаривают к смертной казни...» [1, с. 148].

«Главная особенность, характеризующая жанр садистских стишков – несоответствие формы – содержанию. <...> поэтому главной особенностью „страшного мира“, воссозданной в садистских стишках, является парадоксальность», – считает Е. В. Лопатина [13]. В словаре С. И. Ожегова парадокс, в широком смысле этого слова, определяется как «странное мнение, высказывание, расходящееся с общепринятыми мнениями, научными положениями, а также мнение, противоречащее здравому смыслу» [14]. Парадокс у С. Силина возникает тогда, когда в реальном мире среди привычных и обыденных предметов и явлений происходят необъяснимые и невероятные вещи. Или привычный порядок вещей нарушается, а действия вызывают совершенно невероятную реакцию: «...к середине четверти завуч передумала половину 5-го „Д“ и поставила двойку круглой отличнице Маше Тапочкиной. – Тебе хана! – сказали мальчишки девочке и спрятались после уроков за гаражами, чтобы посмотреть, как завуч будет ее душить» («Урок самбо» [8]).

Абсурд появляется из-за логического несоответствия причины и следствия; наказание не соответствует «преступлению»: отличницу душат за единственную плохую оценку; отец мальчика, получившего пятерку, отдает приказ расстрелять своего сына, а сам садится смотреть телевизор («Роковая пятерочка» [15]).

Абсурдно отношение персонажей к происходящему, так как герои воспринимают катастрофическое событие спокойно, как нечто, не выходящее за рамки принятых норм: родители «случайно» задушенного троечника подали жалобу в Министерство образования, в результате чего завучу всего лишь «запретили преподавать в столице» («Урок самбо» [8]); классная руководительница своей грудью заслоняет ученика во время расстрела со словами: «Это я виновата! Я недоглядела! Меня расстреливайте!» [15, 16], так как она перепутала строки в журнале и поставила ученику злосчастную четверку в одном рассказе и пятерку – в другом. При этом, видимо, сама форма наказания (расстрел) из-за оценки не вызывает сомнения ни у отца, ни у нее самой, ни у ребенка.

Важную роль в садистских стишках играет смех, считает Е. В. Лопатина [13]. Для садистских стишков характерна особая легкость в отношении к смерти – ее угроза и воплощение не вызывает страх, наоборот, создает комический эффект, поскольку причина не соответствует последствиям. По сути, рассказы С. Силина – это садистские стишки, сближающиеся с анекдотами.

В краткой литературной энциклопедии дается следующее определение анекдота: «...небольшой

устный шуточный рассказ самого различного содержания с неожиданной и остроумной концовкой» [17]. Так, Е. М. Мелетинский считает, что специфической чертой традиционного анекдота являются абсурдные парадоксы: «...именно они, а не просто шутливость или остроумный финал определяют его форму» [18, с. 73]. Юмористический текст имеет определенную структуру: завязка, представляющая собой проблему или вопрос, подразумевающий разные варианты ответов, и завязка – нестандартное решение вопроса. По сути, каждая фраза «Урока самбо» представляет анекдотическую ситуацию, ждущую своего обрамления – завязки и кульминации.

Выделяют несколько основных характеристик анекдота, одну из них связывают с его социальной природой (Н. З. Абдуллина [19]); социальность – неотъемлемое свойство любого комического жанра. Силин тематически связывает свои рассказы с определенными сторонами жизни общества и человека (ребенка) в нем. Как уже говорилось, основная проблема в рассказах С. Силина – нарушенные взаимоотношения между отцами и детьми. И те, и другие не способны услышать друг друга и понять. Они изначально находятся в состоянии конфронтации, борьбы. С помощью гротеска писатель усиливает противостояние между сторонами, доводя его до абсурда: ученики выбрасывают учителей из окна, учителя, в свою очередь, топят учеников.

Другой важной характеристикой является «виртуальность описываемой в анекдоте ситуации, т. е. ее одновременная невероятность и реалистичность» [19]. Происходящее в анекдоте, с одной стороны, нереально, с другой – вполне допустимо. «Анекдот претендует на то, что он находится как бы внутри самой жизни. Анекдот маскирует отшлифованность и выверенность своей эстетики», – пишет Е. Курганов [20, с. 291]. По мнению исследователя, главное в анекдоте – его способность повергнуть в изумление, поскольку «анекдот повествует о чем-то диком, страшном, не укладывающемся в рамки обычной логики, но по-своему характерном, имеющем определенное внутреннее оправдание» [21, с. 32].

В рассказах С. Силина нанизывается одна анекдотическая ситуация на другую: «Завуча Александру Александровну боялась вся Москва, потому что она душила двоечников. Всего она задушила 222 двоечника. Но однажды ошиблась и задушила троечника. Родители троечника написали жалобу в Министерство образования, и Александре Александровне запретили работать в столице...» («Урок самбо») [8]. Силин усиливает комический эффект, приводя детали, реалистические подробности, долженствующие убедить читателя в достоверности происходящего: завуч задушила именно 222 двоечника, родители написали в соответствующую

щее министерство, министерство приняло меры. После того, как Маша Тапочкина свернула завучу шею, завуч «похлопала рукой по земле и тихо сказала: – Достаточно. Я ухожу на пенсию» («Урок самбо» [8]). Цепочка последовательных событий по-своему логична и выстраивается в соответствии с законами реального мира. С одной стороны, парадокс в том, что реакция такого рода (подача жалобы, увольнение, запрещение преподавать в школе, досрочная пенсия, похлопывание по земле – жест, означающий поражение в борьбе) – все это узнаваемо и опознаваемо, это знаки не вымышленного, а «правильного», т. е. законного мира. С другой стороны, санкции, вводимые министерством, характерны для административного нарушения (например, превышения полномочий), но никак не соотносятся с преступлением уголовным – удушением двух сотен учеников; похлопывание рукой по земле после полученных увечий – все это соответствует поэтике садистских стихов, гротескно усугубляющих противостояние между социальными институтами, с одной стороны, и «маленькими людьми» – с другой.

Главными героями страшилки «Не топите пятиклашек!» [9] являются дети и педагогические работники. Как и в страшилке, анекдоте, садистском стихе, образы персонажей здесь предельно обобщены. Возраст персонажей-детей определяется приблизительно («пятиклашки»), ученики (за исключением одного – Вадика Малькова) не именованы.

Учитывая то, что автор рассказа учился в советской школе, в которой была система распределения учащихся по классам в соответствии с уровнем их способностей, можно предположить, что литера «Д» в названии класса указывает на «низшую» ступень в школьной иерархии. Как известно, лучших учеников – отличников и хорошистов – зачисляли в «А» и «Б» классы; в «В», «Г» и «Д» попадали слабые или имеющие проблемы с поведением ученики.

Это согласуется с завязкой рассказа: в первом же предложении говорится о том, что «классная» 5«Д» во время урока случайно выпала из окна [9]. Слово «случайно» оставляет варианты для предположений – учительница выбросилась сама оттого, что ее замучили ученики 5 «Д» класса, или ученики так избавились от слишком требовательной учительницы. Фраза начинается с наречия «когда», т. е. сообщение о том, что учительница выпала из окна, само по себе не представляет особого интереса, важно то, что за этим последовало: директор взял на ее место «усмирителя пятиклассников», и это косвенно доказывает факт неслучайного выпадения учительницы. Так, в сжатой по объему экспозиции дается максимум информации, которую читатель (в прошлом или настоящем ученик обычной школы) дополняет в своем сознании.

Взрослые в этом рассказе делятся на жертв, губителей и спасителей. В качестве губителей выступают директор школы и «специалист по усмирению пятиклассников» Герасимов (но в финале он – жертва и повторяет судьбу «классной» 5 «Д»); спасителя – учитель физкультуры Мазаев. Еще один взрослый-жертва только упоминается в самом начале произведения, но именно трагическая «случайность», произошедшая с классной руководительницей (выпадение из окна), по-видимому, и стала причиной радикальных мер, предпринятых директором.

Сюжет развивается стремительно. Специалист Герасимов устраивает «лодочную экскурсию», забирает у пятиклашек «мобильники» и выгребает на середину реки. Читателю, как и персонажам-детям, не приходится долго гадать, с какой целью он делает это; на прямой вопрос пятиклашек «Вы зачем нас на середину реки везете?», учитель честно отвечает: «А затем, что топить буду!» [9].

В общей среде пятиклассников выделяется один герой – Вадик Мальков. Ассоциативно его фамилия связывается со словами «маленький», «мелкий», «малек», но подобно младшему брату фольклорной сказки самый маленький оказывается самым удаленным. Непослушный Мальков не сдает мобильный, посылает SMS Мазаеву и тем самым обеспечивает спасение класса.

С. Силин использует аллюзии при создании не только образа Малькова, но и других персонажей. Фамилии губителя и спасителя пятиклассников (Герасимов и Мазаев) отсылают к хрестоматийным текстам, входящим в школьную программу 5-х классов, – «Муму» И. С. Тургенева и «Дедушка Мазай и зайцы» Н. А. Некрасова. С. Силин актуализирует в памяти читателей претексты, в которых Герасим топил свою любимую собачку, добрый дедушка Мазай спасает зайцев во время половодья. Это позволяет предположить, что писатель ориентировался на читателей от 11 лет и старше, которые должны распознать эти ассоциации.

Автор придумывает педагогическую должность / специальность, которой не существует: «специалист по усмирению пятиклассников». Таким образом, С. Силин использует гротеск, преувеличение, доходящее до абсурда. Герасимов исполняет роль учителя и воспитателя (приходит на замену классной), но его роль сводится не к воспитанию, а к надзору и усмирению. Именно эти функции становятся определяющими и отображаются в названии его должности. Сатирический прием служит для привлечения внимания читателей-взрослых к проблеме подмены воспитания подростков их насильственным усмирением, а читателям-детям дает возможность посмеяться над тщетными усилиями взрослых [1, с. 150] – такие методы, как демонстрирует финал рассказа, не действенны.

Способные расправиться со своей учительницей пятиклассники в лодке ведут себя как жертвы. Силин использует прием градации для отображения состояния учеников: их плач дополняется причитаниями, просьбами, одновременно возрастает чувство тревоги.

Абсурд происходящего усиливается благодаря сочетанию в тексте несочетаемых явлений. Происходит из ряда вон выходящее событие – массовое утопление школьников учителем, но мотивируется происходящее совершенно обыденно – Герасимову за это премия обещана. Абсурд торжествует в финале рассказа, когда директор награждает премией двух учителей: «Герасимова за что, что выполнил приказ директора, а Мазаева за то, что спас пятиклассников» [9]. Алогизм, абсурдность ситуации, поступков проявляют сатирическую модальность повествования.

Это произведение имеет кольцевую композицию: в развязке Герасимов, как и классная руководительница, «случайно» выпал из окна. Конец истории возвращает к самому началу. Это доказывает, что падения из окна руководителей 5 «Д» класса не случайность, а закономерность, следствие проделок учеников. Можно предположить, что на этом история не закончится, и директор, скорее всего, предпримет еще какие-то меры по усмирению пятиклашек. Кольцевая композиция означает неразрешимость конфликта, противостояния учеников и учителей; альтернативных отношений не возникает. При этом автор со всей очевидностью на стороне детей: несмотря на все карательные меры со стороны педагогов, пятиклашки сумели выйти победителями из катастрофичной ситуации.

В следующем анализируемом произведении «Роковая четверочка» автор акцентирует внимание на первом слове заглавия, провоцируя поиск ответа на вопрос: каким образом школьная оценка становится роковой, т. е. предопределяет дальнейшую участь ребенка? «Роковая» выступает здесь в значении «приносящая горе, несчастье, доставляющая страдания, неотвратимая» [14]. Четверка, как и пятерка, относится к положительным оценкам, но ее получение в рассказе парадоксальным образом приводит не просто к неприятностям, а к трагическим для ребенка последствиям. Второе слово заглавия усиливает парадоксальность, абсурдность ситуации, раскрываемой в сюжете: уменьшительно-ласкательные суффиксы используют для передачи субъективно-оценочного значения малости, но в «Роковой четверочке» незначительная школьная оценка предопределяет судьбу ребенка.

Для обозначения времени, места и действия Сергей Силин использует устойчивую формулу, которая служит обычно для начала сказок, страшилок: «В некотором городе, в некотором доме жила-

была девочка по имени Юля» [16]. Таким зачином автор как бы намекает на невозможность описанных событий в реальном мире.

Силин использует мотив запрета и его нарушения. В качестве лица, налагающего запрет, выступает деспотичный отец: получать четверки папа Юле еще в детском садике запретил. «Если, – сказал, – хоть одну получишь, отдам под трибунал. А он военным судьей работал» [16]. Получая четверку, Юля нарушает запрет отца и, по его логике, должна понести наказание в виде расстрела. Автор, используя сатирические приемы гротеска, доводя бытовую ситуацию до абсурда, дает возможность родителям увидеть себя со стороны, понять, какие последствия влечет за собой их деспотизм. Основной объект сатиры в рассказе – родители, пытающиеся сделать из своего ребенка отличника, забывшие главные родительские функции – любовь, заботу и внимание.

Комический эффект создается при сопоставлении различных или даже взаимоисключающих друг друга явлений, когда в результате этого сопоставления обнаруживается поразительное сходство между нелепым и тем, что считается нормой, абсурдными и будничными ситуациями. Солдаты готовятся расстрелять девочку: «Заряжай! – командует лейтенант солдатам. – В четверочницу одиночными выстрелами...» [16]. Классная руководительница Юли бросается между солдатами и девочкой: «Это ошибка! Ошибка! <... > Это я виновата! Я недоглядела! Меня расстреливайте! И закрыла Юлю своим телом» [16]. Пафосная сцена одновременно и комична, что усиливает абсурд происходящего.

Предметом художественного осмысления С. Силин делает внутрисемейные отношения. Мать даже не пытается оспорить авторитетное решение отца, а Юля не просит о пощаде, сама встает к расстрельной стене, отец не проводит расследование, сразу готов исполнить наказание. Так писатель дает понять, что ребенок лишен голоса в семье, он целиком и полностью зависит от своих родителей, какими бы деспотичными и жестокими они не были. В «Роковой четверочке» и «Роковой пятерочке» пространство дома не соответствует своей архетипической семантике укрытия, безопасного места. Если в «Не топите пятиклашек!» беда приходит в чужом, не-домашнем пространстве (школы, реки), то здесь стены родного дома не защищают героя, а становятся местом уничтожения (что характерно для жанра страшилки).

Произведение адресовано как детской, так и взрослой аудитории. Более того, можно предположить, что С. Силин, в первую очередь, адресует рассказ взрослым, предлагая задуматься, какую психологическую травму они наносят своим детям, заставляя их выполнять завышенные требования.

Согласимся с Е. А. Полевой, что С. Силин использует приемы комического, чтобы в психологически комфортной форме просмеять и детские страхи, и родительские ошибки [1]. Важным, на наш взгляд, является и то, что, в комических рассказах С. Силина действуют не дети и родители, а ученики, «пятиклашки», «двоечники», «четверочки», с одной стороны, и учителя, «усмирители», директора, завучи, судьи – с другой. Родительские и педагогические функции взрослыми забыты, заменены формальными отношениями, в которых учитель / родитель требует безоговорочного подчинения, а ученик не имеет права голоса.

Абсурдность действий взрослых в рассказах Силина усугубляется на протяжении всей истории, но своего пика достигает именно в конце повествования, тем самым вызывая ироничную улыбку: «Поголовье двоечников в 5 „Д“ восстановилось к концу недели» («Урок самбо»); «Вот такая история. А то некоторые думают, что у пятерочников жизнь легкая» («Роковая пятерочка»); «А еще через два дня Герасимов во время урока случайно выпал из окна» («Не топите пятиклашек!»); «А насчет того, чтобы писать грамотно, так он об этом с тех пор и думать боится» («Двоечник и Смерть»). Кажется, финал во многих рассказах вполне благополучен, однако основной конфликт не разрешен: единственный способ борьбы с двоечниками – их удушение – потерпел провал, и после ухода завуча на пенсию все вернулось на круги своя; у пятерочников (двоечников) нелегкая жизнь, и ничего с этим не поделаешь; учителя в 5«Д» по-прежнему будут выпадать из окна. Стороны не способны к конструктивному диалогу, не в состоянии услышать и понять друг друга, как-то измениться и преодолеть пропасть, их разделяющую.

В малой прозе С. Силина ставятся актуальные для современного общества проблемы, отраженные посредством приемов, отсылающих к традициям нескольких жанров детского комического фольклора (страшилка-перевертыш, садистский стишок, анекдот).

Из жанра страшилки С. Силин берет повествовательную конструкцию, последовательно выстраивая рассказ о «бедном» отличнике или двоечнике; сюжетную схему (запрет – нарушение запрета – наказание); однозначность, шаблонность в изображении персонажей (ученики – пятерочки, двоечники; учителя и родители – субъекты наказания, контроля). Из анекдота – парадоксальное и нелогичное, но остроумное решение проблемы; нарушение причинно-следственных связей. Из садистских стишков – легкое, «карнавальное» отношение к смерти, юмор, развенчивающий и вышучивающий догматы и правила, налагаемые взрослыми, и подвергающий осмеянию то, что в реаль-

ной жизни становится неодолимым препятствием для ребенка.

Заключение

Большинство рассказов С. Силина невелики по объему, что характерно для фольклорных жанров анекдота, небылицы, страшной истории. Все внимание сосредоточивается на конкретном событии, в повествовании отсутствуют обращения к читателю, авторские размышления по поводу происходящего, морально-дидактические поучения.

Произведения С. Силина в большей степени тяготеют к жанрам страшилки, анекдота и садистских стишков, но он не просто заимствует поэтику этих жанров, а трансформирует их для решения авторских художественных задач. Об этом свидетельствуют следующие особенности:

- легкое, даже циничное отношение к смерти, характерное для садистских стишков, порожденное средой, отторгающей навязываемые социумом правила, что нашло свое отражение в осмеянии-отрицании социальных институтов школы, семьи, подавляющих и унижающих ребенка;

- отсутствие катарсиса, свойственного страшным историям; катарсис заменяется юмористической концовкой, что характерно для садистских стишков и анекдотов;

- конфликт не разрешается внутренними изменениями героев, а условно пресекается либо внешними обстоятельствами, либо необыкновенными способностями ученика;

- если в классической страшилке центральной становится идея воздаяния за нарушение запрета, то в рассказах С. Силина финал подчеркнуто абсурден;

- дети изображаются как носители гипертрофически выраженных отрицательных качеств (жестокость, невоспитанность, недисциплинированность или, наоборот, чрезмерное послушание, безропотное принятие воли взрослого); взрослые также концентрируют в себе доведенные до гротеска негативные качества и функции подавления, наказания;

- чаще всего рассказы С. Силина имеют кольцевую композицию, подчеркивая возвращение на круги своя, свидетельствующее о том, что противостояние между учениками и учителями / родителями не исчезло, конфликт не исчерпан.

Заглавия произведений Силина выражают основные проблемы: за «пятиклашками» учителя и родители уже не видят реальных детей, а обычная оценка – четверка или пятерка – может стать причиной гибели ребенка. В исключительных случаях заглавия носят агитационно-призывной характер («Не топите пятиклашек!») с целью привлечения внимания к проблемам детей.

Творчество С. Силина адресовано детям и родителям. Основная цель произведений в том, чтобы дать возможность представителям «враждующих лагерей» увидеть себя глазами противной стороны. В юмористической форме С. Силин доводит до абсурда педагогические свойства: строгость и требовательность, формальность и прагматизм родителей и учителей по отношению к детям и ученикам. Силин использует поэтику абсурда, приемы гротеска, пре-

увеличения: какое-либо явление, например завышенное требование родителей к детям, доводится им до крайности. Это делается писателем, чтобы обнажить важные социально-общественные проблемы, которые существуют в школе или семье. Автор выступает против сложившихся у взрослых установок, стереотипов. Писатель использует абсурд и его осознание читателем как стимул, побуждающий человека на поиск «восстанавливающего» смысла.

Список литературы

1. Полева Е. А. Тема отцов и детей в современных прозаических миниатюрах для семейного чтения // Читатель в игре: сб. ст. / под ред. Е. А. Асоновой и др. М.: Библиомир, 2019. С. 135–150.
2. Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей // Фольклор и историческая действительность. Русский фольклор. Л.: Наука, 1981. Т. XX. С. 96–106.
3. Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М.: Просвещение, 1987. 240 с.
4. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 296 с.
5. Чередникова М. П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996. 43 с.
6. Мамонтова Г. И. Культурно-исторические и психологические основы жанра страшилок // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1981. С. 54–62.
7. Мирвода Т. А. Поэтика современного детского «страшного» рассказа в устной традиции и сети интернет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 19 с.
8. Силин С. Урок самбо // Силин С. Школьные ужастики (из книги «Прекратите грызть перила!»). М.: Эгмонт Россия Лтд, 2009. URL: <https://www.proza.ru/2005/09/11-46> (дата обращения: 15.05.2020).
9. Силин С. Не топите пятюкляшек! // Детская. Альманах для семейного чтения. 2015. № 6. URL: <http://detskaya.uraljournal.ru/work-2015-6> (дата обращения: 21.09.2020).
10. Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Флинта : Наука, 2002. 320 с.
11. Белоусов А. Ф. Воспоминания Игоря Мальского «Кривое зеркало действительности»: к вопросу о происхождении «садистских стишков» // Лотмановский сборник. М., 1995. Т. 1. С. 681–691. URL: <http://net.knigi-x.ru/24pedagogika/593454-1-vospominaniya-igorya-malskogo-krivoe-zerkalo-deystvitelnosti-voprosu-proishozhdenii-sadistskih-stishkov-belousov-s.php> (дата обращения: 15.09.2020).
12. Чернявская Ю. В. Советский ребенок и мир ужасного: страшилки и садистские стишки: о временах, о нравах // Человек. 2011. № 3. С. 141–154.
13. Лопатина Е. В. Особенности «страшного мира» в текстах садистских стишков // Молодой ученый. 2014. № 11 (70). С. 339–342. URL: <https://moluch.ru/archive/70/12090/> (дата обращения: 02.04.2020).
14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/151254> (дата обращения: 12.05.2020).
15. Силин С. Роковая пятёрочка и др. // Силин С. Школьные ужастики (из книги «Прекратите грызть перила!»). М.: Эгмонт Россия Лтд, 2009. URL: <https://www.proza.ru/2005/09/11-46> (дата обращения: 12.04.2020).
16. Силин С. Роковая четвёрочка // Почитай-ка: детский сказочный журнал. 2002. URL: <https://read-ka.cofe.ru/Nepridumannaya-istoriya/Rokovaya-chetverochka> (дата обращения: 15.09.2020).
17. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1962. Т. 1. 1088 стб. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke1/ke1-2335.htm> (дата обращения: 02.05.2020).
18. Мелетинский Е. М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот. Таллинн, 1989. С. 55–77.
19. Абдуллина Н. З. Феноменологическая характеристика анекдота как типа текста // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2008. Вып. 2. С. 87–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-harakteristika-anekdota-kak-tipa-teksta> (дата обращения: 19.04.2020).
20. Курганов Е. Анекдот, миф и сказка: границы, размежевания и нейтральные полосы / Ruthenia. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia VI: Проблемы границы в культуре. Тарту, 1998. С. 290–306. URL: <https://ruthenia.ru/document/551616.html> (дата обращения: 04.05.2020).
21. Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsisBooks, 2015. 264 с.

Чернявская Юлия Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: utcher@yandex.ru

Мамедова Эльмира Самандаровна, студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: live_96@bk.ru

Материал поступил в редакцию 06.11.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-104-113

TRANSFORMATION OF FOLKLORE TRADITION IN SMALL PROSE BY SERGEY SILIN

Yu. O. Tchernyavskaya, E. S. Mamedova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. Sergey Silin's small prose has not yet been sufficiently researched by literary critics, but it arouses interest among readers of different ages and can be attributed to dual addressed literature. The study of the writer using the techniques of sadistic poems, horror stories and jokes contributes to a deeper understanding of the main trends in modern Russian prose.

The purpose of the article is to reveal the genre originality of small prose by Sergey Silin.

Material and methods. Theoretical basis for the study were the works of folklorists E. M. Meletinsky, E. Kurganov, O. N. Grechina, M. V. Osorina and others. The research material is short stories and horror stories by S. Silin ("The Fatal Five", "The Fatal Four", "Don't Drown Five Graders!", "Sambo Lesson").

Result and discussion. The analysis revealed the characteristic features of Silin's small prose. In his work the author transforms the techniques of urban folklore genres: scary stories, sadistic poems, jokes.

Conclusion. S. Silin's works are dually addressed: not only to children, but also to adults. In his works, the writer uses techniques typical of urban folklore genres – they reflect the cynical attitude to death which is characteristic of sadistic poems; the use of clericalism; the absence of a clear confrontation between good and evil; the division into «good» and «bad» characters; the catharsis is replaced by a humorous ending; the idea of retribution is replaced by a paradoxical ending which emphasizes the immutability of what is happening. The stories most often have a circular composition, indicating that the main conflict of the work remained unresolved.

Keywords: *Sergey Silin, children's literature, transformation of folklore genres, horror story, sadistic poems, joke.*

References

1. Poleva E. A. Tema otsov i detey v sovremennykh prozaicheskikh miniaturakh dlya semeynogo chteniya [The theme of fathers and children in modern prosaic miniatures for family reading]. *Chitatel' v igre: sbornik statey*. Pod redaktsiyey E. A. Asonovoy i dr. [Reader in the game: collection of articles. Edited by E. A. Asonova et al.]. Moscow, Bibliomir Publ., 2019. Pp. 135–150 (in Russian).
2. Grechina O. N., Osorina M. V. Sovremennaya fol'klornaya proza detey [Contemporary folklore prose of children]. *Fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost'*. *Russkiy fol'klor*. T. XX [Folklore and historical reality. Russian folklore. Vol. XX]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. Pp. 96–106 (in Russian).
3. Mel'nikov M. N. *Russkiy detskiy fol'klor* [Russian children's folklore]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1987. 240 p. (in Russian).
4. Loyter S. M. *Russkiy detskiy fol'klor i detskaya mifologiya: Issledovaniya i teksty* [Russian children's folklore and children's mythology]. Petrozavodsk, KGPU Publ., 2001. 296 p. (in Russian).
5. Cherednikova M. P. *Sovremennaya russkaya detskaya mifologiya v kontekste faktov traditsionnoy kul'tury i detskoy psikhologii*. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Contemporary Russian child mythology in the context of the facts of traditional culture and child psychology. Abstract of thesis doct. philol. sci.]. Saint Peterburg, 1996. 43 p. (in Russian).
6. Mamontova G. I. Kul'turno-istoricheskiye i psikhologicheskiye osnovy zhanra strashilok [Cultural, historical and psychological foundations of the horror story genre]. *Sibirskiy fol'klor* [Siberian Folklore]. Novosibirsk, 1981. Pp. 54–62 (in Russian).
7. Mirvoda T. A. *Poetika sovremennogo detskogo «strashnogo» rasskaza v ustnoy traditsii i seti internet*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Poetics of a modern children's «scary» story in oral tradition and the Internet. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2020. 19 p. (in Russian).
8. Silin S. Urok sambo [Sambo lesson]. In: Silin S. *Shkol'nye uzhasniki (iz knigi «Prekratite gryzt' perila!»)* [School horrors (from the book "Stop chewing on the railing!"). Moscow, Egmont Rossiya Ltd Publ., 2009 (in Russian). URL: <https://www.proza.ru/2005/09/11-46> (accessed 15 May 2020).
9. Silin S. Ne topite pyatiklashek! [Don't drown your fifth graders!]. *Detskaya. Al'manakh dlya semeynogo chteniya*, 2015, no. 6 (in Russian). URL: <http://detskaya.uraljournal.ru/work-2015-6> (accessed 21 September 2020).
10. Kapitsa F. S., Kolyadich T. M. *Russkiy detskiy fol'klor: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov* [Russian children's folklore: eextbook for university students]. Moscow, Flinta Nauka Publ., 2002. 320 p. (in Russian).

11. Belousov A. F. Vospominaniya Igorya Mal'skogo «Krivoye zerkalo deystvitel'nosti»: k voprosu o proiskhozhdenii «sadistskikh stishkov» [Memoirs of Igor Malsky “The crooked mirror of reality”: on the origin of “sadistic rhymes”]. *Lotmanovskiy sbornik* [Lotman's collection]. Moscow, 1995. Vol. 1. Pp. 681–691 (in Russian). URL: <http://net.knigi-x.ru/24pedagogika/593454-1-vospominaniya-igorya-malskogo-krivoe-zerkalo-deystvitelnosti-voprosu-proishozhdenii-sadistskih-stishkov-belousov-s.php> (accessed 15 September 2020).
12. Chernyavskaya Yu. V. *Sovetskiy rebenok i mir uzhasnogo: strashilki i sadistskiye stishki: o vremenakh, o nravakh* [The Soviet child and the world of the terrible: horror stories and sadistic rhymes]. *Chelovek*, 2011, no. 3, pp. 141–154 (in Russian).
13. Lopatina E. V. Osobennosti «strashnogo mira» v tekstakh sadistskikh stishkov [Features of the “scary world” in the texts of sadistic rhymes]. *Molodoy uchenyy*, 2014, no. 11 (70), pp. 339–342 (in Russian). URL: <https://moluch.ru/archive/70/12090/> (accessed 2 April 2020).
14. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir i obrazovaniye Publ., 2015. 1375 p. (in Russian). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/151254> (accessed 12 May 2020).
15. Silin S. Rokovaya pyatyorochka i dr. [Fatal five and others]. In: Silin S. *Shkol'nye uzhasniki (iz knigi «Prekratite gryzt' perila!»)* [School horror (from the book “Stop chewing on the railing!”)]. Moscow, Egmont Rossiya Publ., 2009. URL: <https://www.proza.ru/2005/09/11-46> (accessed 12 April 2020).
16. Silin S. Rokovaya chetyvorochka [Fatal four]. *Pochitay-ka: detskiy skazochnyy zhurnal*. 2002 (in Russian). URL: <https://read-ka.cofe.ru/Nepridumannaya-istoriya/Rokovaya-chetverochka> (accessed 15 September 2020).
17. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 tomakh. Tom 1*. Glavnyy redaktor A. A. Surkov [Brief literary encyclopedia: in 9 volumes. Chief editor A. A. Surkov]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1962. 1088 p. (in Russian). URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke1/ke1-2335.htm> (accessed 2 May 2020).
18. Meletinskiy E. M. Skazka – anekdot v sisteme fol'klornykh zhanrov [Fairy tale-anecdote in the system of folklore genres]. *Uchebnyy material po teorii literatury. Zhanry slovesnogo teksta. Anekdot* [Study material on the theory of literature. Genres of verbal text. Anecdote]. Tallinn, 1989. Pp. 55–77 (in Russian).
19. Abdullina N. Z. Fenomenologicheskaya kharakteristika anekdota kak tipa teksta [Phenomenological characteristics of anecdote as a type of text]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*, 2008, no. 2, pp. 87–97 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-harakteristika-anekdota-kak-tipa-teksta> (accessed 19 April 2020).
20. Kurganov E. Anekdot, mif i skazka: granitsy, razmezhevaniya i neytral'nye polosy [Anecdote, myth and fairy tale: borders, delimitations and neutral stripes]. *Ruthenia. Studia Russica Helsinkiensia et Tartuensia VI: Problemy granitsy v kul'ture* [Ruthenia. Studia Russica Helsinkiensia et Tartuensia VI: Border Issues in Culture]. Tartu, 1998. Pp. 290–306 (in Russian). URL: <https://ruthenia.ru/document/551616.html> (accessed 4 May 2020).
21. Kurganov E. *Anekdot kak zhanr russkoy slovesnosti* [Anecdote as a genre of Russian literature]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2015. 264 p. (in Russian).

Tchernyavskaya Yu. O., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: utcher@yandex.ru

Mamedova E. S., Undergraduate Student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: live_96@bk.ru